

~~№ 801~~

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА,

~~У 437~~
~~836~~

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ 1.

~~№ 437. I.~~

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1842.

~~№ 437. I.~~

469735

1934

V45

58
02 K
2004

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Цензур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 25 дня
1840 года.

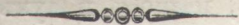
Цензоръ А. Никитенко.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

Эней бувъ парубокъ моторный
И хлопецъ хотъ куды козакъ,
Удавсь на всее зле проворный,
Завзятійшый одъ всихъ бурлакъ.
Но Греки якъ спалывшы Трою,
Зробылы зъ неи скырту гною,
Винъ взявши торбу, тягу давъ,
Забравшы де-якихъ Троянцевъ,
Осмаленыхъ, якъ гыря, ланцевъ,
Пятамы зъ Трои нахывавъ.

Винъ швидко поробивши човны,
На сыне море попускавъ,
Троянцivъ насажавши повни,
И куды очи почухравъ.
Но зла Юона, суча дочка,
Роскудкудакалась якъ квочка —
Энея не любила страхъ;
Давно уже вона хотила,
Його щобъ душка полетела
Къ чортамъ, и щобъ и духъ не пахъ.

Эней бувъ тяжко не по сердцю
Юони, все би гнививъ;
Здававсь гирчійшый їй видъ перцю,
Ни б чимъ Юоны не просивъ;
Но гирьшъ за те їй не любився,
Що, бачышъ, въ Трои народився
И мамою Венеру звавъ;
И що його покійный дядько
Парысь, Пріямово дитятко,
Путывочку Венери давъ.

Побачыла Юнона зъ неба,
Що панъ Эней на поромахъ;
А те шепнула сука Геба...
Юнону взявъ велькый жахъ!
Впрягла въ грынджолята павычку,
Сховала пидъ кибалку мычку,
Щобъ не свитылася коса;
Взяла спидныцю и шнуривку,
И хлеба зъ сылю на тарилку,
Къ Эолу мчалась якъ оса.

«Здоровъ Эоле пане свату!
«Ой-якъ-ся маешъ, якъ живесть?»
Сказала якъ ввійшла у хату
Юнона: «чи гостей ты ждешъ?»
Поставыла тарилку зъ хлибомъ
Передъ старымъ Эоломъ дидомъ,
Сама же сіла на ослинь.
«Будь ласкавъ сватоньку старьку!
«Избый Энея съ пантельку,
«Теперь плыве на мори вишь.

«Ты знаешь, винъ якый еуцига,
«Пальвода и горлоризъ;
«По свиту якъ ище побига,
«Чиhsь багацько вылзе слизъ.
«Пошлы на його лыхо злее,
«Щобъ люды вси, що при Энеи
«Послызлы, и щобъ винъ и самъ.
«За сее жъ дивку чернобрыву,
«Смачную, гарну, уродливу,
«Тоби я, далеби-що, дамъ.

«Гай, гай! ой дей же його кату!
«Эолъ насупывшысь сказавъ:
«Я всебъ зробывъ за сюю плату,
«Та витры вси пороспускавъ,
«Борей недужъ лежить съ похмилля,
«А Ноть пойихавъ на весилля,
«Зефиръ же, давній негодайъ,
«Зъ дивчатамы заженыхався,
«А Эвръ въ поденьчыкы нанявся;
«Якъ хочешъ такъ и помышляй!

«Та вже для тебе обещаюся
«Энееви я ляпасъ дать;
«Я хутко, мытью постараюся
«Въ триста його къ чортамъ загнать.
«Прощай же! швидче убирайся,
«Обицянкы не забувайся:
«Бо послы, чуешъ, ни чычыркъ.
«Якъ збрешешъ, то хоча надсядся,
«На ласку послы не понадся,
«Тогди видъ мене возьмешъ чвыркъ.»

Эомъ оставшысь на господи,
Зибравъ всіхъ витривъ до двора,
Веливъ поганій быть погоди...
Якъ разъ на мори и гора!
Все море заразы спузырмо,
Водою мовъ въ ключи забыло,
Эней тутъ крыкнувъ, якъ на пупъ;
Заплакався и зарыдався,
Пошарпався, увесь подрався,
На тими начесавъ ажъ струпъ.

Прокляти витры роздулыся,
А море зъ лыха ажъ реве;
Слизьмы Троянцы облымыся,
Энея за живить бере;
Вси човныкы ихъ росчухрало;
Багацько вйська тутъ пропало;
Тогди набрамысь вси сто-лыхъ!
Эней крычыть: «що я Нептуну
«Пивкопы грдшей въ руку суну,
«Абы на мори штурмъ утыхъ.»

Нептунъ издавна бувъ дряпичка,
Почувъ Энеивъ голосоць;
Шатнувся зараць изъ запичка,
Пивкопы для його кусоць!
И мытью осидлавыи рака,
Схватывсь на його мовъ бурлака,
И вырнувъ зъ моря, якъ карась.
Загомонивъ на витривъ гризно:
«Чого вы гудете такъ ризно?
«До моря, знаете, вамъ зась!»

Отъ-туть-то витры схаменулись,
И ну вси драла до норы;
До мяса мовъ Ляхы шатнулись,
Або одъ йижака тхоры.
Нештупъ же заразъ взявъ мителку
И вымивъ море якъ свителку,
То сонце глянуло на свить.
Эней тогда якъ народився,
Разивъ изъ-пять перехрестився;
Звеливъ готовыты обидь.

Поклалы шальовкы соснови,
Кругомъ наставылы мысокъ;
И страву всякую, безъ мовы,
Въ голодный ихалы все кутокъ.
Туть съ саломъ галушкы лыгали,
Лемпшкы и кулпшъ глыгали
И брагу кухлыкомъ тяглы;
Та и горилочку хлыгали,
На сылу изъ-за столу встали
И спаты послаи вси ляглы.

Венера не послѣдня шлюха,
Проворна, врагъ ты не взявъ,
Побачыла, що такъ полоха
Эоль сынка, що ажъ захлявъ;
Умылася, прычепурылася
И якъ въ неділю нарядылася,
Хоть бы до дудкы на танецъ!
Взяла очипокъ грезетовый
И кунтушь зъ усами люстровый,
Пишла къ Зевесу на ралець.

Зевесъ тогди кружавъ сывуху
И оселедцемъ зайидавъ;
Винъ сьому выпившы восьмуху,
Послѣдкы съ кварты выльивавъ.
Прышла Венера искрывышысь,
Заплакавшись и завискрывышысь,
И стала хльшати передъ нымъ:
«Чымъ предъ тобою, мыльй тату,
«Сынъ заслужывъ таку мій плату?
«Дйонъ, мовъ въ свинкы грають имъ.

«Куды йому уже до Риму?
«Хиба якъ здохне чортъ въ рови!
«Якъ вернется панъ Ханъ до Крыму,
«Якъ женится сычъ на сови.
«Хибабъ уже та не Юнона,
«Щобъ не вказала макогона,
«Що й-доси слухае чмелнвъ!
«Колыбъ вона та не бисылась,
«Замовкла и не камезылась,
«Щобъ ты се самъ йй извеливъ.»

Юпытеръ, все допывши съ кубка,
Погладывъ свй рукою чубъ:
«Охъ доцю, ты моя голубка!
«Я въ правди твердый такъ, якъ дубъ.
«Эней збудуе сыльне царство,
«И заведе свое тамъ панство;
«Не малый буде винъ панокъ.
«На панцыну весь свить погонить,
«Багацько хлопцевъ тамъ наплодить
«И всимъ имъ буде ватажокъ.

«Зайи́де до Дидо́ны въ гости,
«И́ буде тамъ бенькетовать;
«Полубы́тся ты́ винъ мосци
«И́ буде бисы́кы пускать.
«Иды, небо́го, не журы́ся,
«Попоне́дикуй, помолы́ся,
«Все́ буде такъ, якъ я сказа́въ.»

Венера ны́зько покло́нылась,
И зъ пан-оте́мъ свои́мъ просты́лась,
А́ винъ ты́ поцилова́въ.

Эней прочума́вся, проспався,
И голодрабци́въ позбира́въ,
Зо́ вси́мъ зибрався и укла́вся,
И скы́лько вы́дно почухра́въ.
Плы́въ, плывъ, плывъ, плывъ, що́ ажъ обры́дло,
И́ море такъ йому́ огы́дло,
Що́ бисомъ на його́ дывы́вся.
«Колы́бъ, каже, умеръ я въ Тро́и;
«У́же бъ не пы́въ сеи ги́рькон,
«И́ марне такъ не во́мочы́вся.»

Потимъ до берега приставшы
Зъ Троянствомъ голымъ всимъ своимъ,
На землю съ човницъ повстававшы,
Спытавсь, чи е що йнсты имъ?
И заразъ чогось попойшы,
Щобъ на пути не ослабили:
Пишы куды хто запопавъ.
Эней по берегу попхався,
И самъ не знавъ, куды слонявся,
Ажъ гулькь—и въ городъ причвалавъ.

Въ тимъ городи жыла Дидона,
А городъ звався Карфагенъ,
Розумна пани и моторна,
Для неи трохы сыхъ именъ:
Трудяща, дуже працьовита,
Весела, гарна, сановита,
Бидняжка, — що була вдова;
По городу тогди гуляла,
Колы Троянцѣвъ повстричала,
Таки сказала имъ слова:

«Видкиль таки се гольтипаки?»

«Чи рыбу зъ Дону везете?»

«Чи може выходци бурлаки?»

«Куды прочане вы идете?»

«Якый васъ врагъ сюды направывъ?»

«И хто до города прычалывъ?»

«Якажъ ватага розбышакъ!»

Троянци вси замурмоталы,

Дидони нызько въ ноги палы,

А вставшы йй мовлялы такъ:

«Мы вси, якъ бачъ, народъ хрещеный,

«Волочымся безъ талану,

«Мы въ Трои, знаешъ, порожденны,

«Эней пустывъ на насъ ману;

«Далы намъ Греки прочухана,

«И самого Энея пана

«Въ тры-вырвы выгналы видтиль;

«Звеливъ покынуты намъ Трою,

«Пидмовывъ плаваты съ собою.

«Теперь, ты знаешъ, мы видкиль.

469733

«Помылуй, пани, благородна!
«Не дай загынуть головамъ,
«Будь мылостыва, будь не злобна,
«Эней спасыби скаже самъ.
«Чи бачышъ, якъ мы обидрались!
«Убрання, постолы порвались,
«Охлялы, нибы въ дощъ щеня!
«Кожухы, свыты погубымы,
«И зъ голоду въ кулакъ трубымы.
«Така намъ лучылась пеня.»

Дидона гирько зарыдала,
И зъ билого свого льщя
Платочкомъ слёзы обтырала:
«Кольибъ, сказала, молодця
«Эней вашого злапала;
«Ужебъ тогди весела стала,
«Тогди велькъ-день бувъ бы намъ!»
Тутъ плюсь Эней, якъ будто зъ неба:
«Ось-озьде я, колы вамъ треба!
«Дидони поклонюся самъ.»

Потимъ зъ Дидоною обнявшысь,
Поцмловались гарно въ смакъ;
За рученькы биленьки взявшысь,
Балакалы то сякъ, то-такъ.
Пишлы къ Дидони до господы
Черезъ вельки переходы,
Ввійшлы въ свитлыцю, та й на піль;
Пымы на радощахъ сывуху
И йилы симбяну макуху,
Покиль кликнулы ихъ за стіль.

Туть йилы розныи потравы
И все съ полывьяныхъ мысокъ,
И сами гарныи прыправы,
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ:
Свѣнячу голову до хрину
И локшыну на перемину,
Потимъ съ пидлевою индыкъ;
На закуску кулинь и кашу,
Лемпшку, зубци, путрю, квашу
И зъ макомъ медовый шулыкъ.

И кубкамы пылы сывьянку,
Медъ, пиво, брагу, сиривецъ,
Горилку просту и калганку,
Куривсь для духу яловець.
Бандура горлицы брынчала,
Сопилка зуба затынала,
А дудка грала по балкахъ;
Санжаривки на скрышци грамы,
Кругомъ дивчата танцовалы,
Въ дробушкахъ, въ чоботахъ, въ свѣткахъ.

Сестру Дидона мала Ганну,
Навспражки дивку, хоть куды,
Проворну, чепурну и гарну;
Прыходьла и ся сюды,
Въ червоній юпочци баевій,
Въ запасци гарній фаналевій,
Въ стьонжкахъ, въ намьисти и ковткахъ;
Туть танцовала выкрутасомъ,
И предъ Энесемъ выхылясомъ,
Пидь дудку бѣла третяка.

Эней и самъ такъ росходывся,
Якъ на аркани жеребець;
Що трохи не увередывся,
Пишовшы съ Гандзею въ танецъ,
Въ обохъ шидкивки забряжчалы,
Жыжкы одъ танцивъ задрижалы,
Выстрыбовавшы гоцака.
Эней матню въ кулакъ прибравшы
И не до солы примовлявши,
Садывъ крутенько гайдука.

А послѣ танцивъ варенухы
По фылыжанци пиднеслы;
И молодыци цокотухы
Тутъ баяцдрасы понеслы;
Дидона крипко заюрыла,
Горщокъ съ вареною розбыла,
До дуру вси тогди пылы.
Ввесь день весело прогулялы,
И пьяни спаты полягальы;
Энеяжъ ледве повелы.

Эней на пичь забрався спаты,
Зарывся въ просо, тамъ и лигъ;
А хто схотивъ, побривъ до хаты,
А хто въ хливець, а хто пидъ стигъ.
А де-яки такъ-такъ хлыснулы,
Що де упалы, тамъ заснулы,
Сошлы, харчалы и хрошлы;
А добри молодци кружалы,
Покры ажъ пивни заспивалы—
Що здужалы, то все тяглы.

Дидона рано исхопылась,
Пыла съ похмилля сиривецъ;
А послѣ гарно нарядылась,
Якъ бы въ оренду на танецъ.
Взяла караблыкъ бархатовый,
Спидныцю и карсетъ шовковый
И начепыла ланцюжокъ;
Червони чоботы обула,
Та и запаскы не забула,
А въ руки зъ выбійкы платокъ.

Эней же съ хмелю якъ проспався,
Изыйи въ солонный огирокъ;
Потимъ умывся и убрався,
Якъ парубійка до дивокъ.
Йому Дидона підослала,
Що одъ покійныка украла,
Штаны и пару чобитокъ;
Сорочку и каптанъ съ кытайкы,
И шапку, — поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ.

Якъ одяглысь, то изыйшлыся,
Съ собою стали розмовлять;
Найшлыся и прынялыся,
Щобъ по вчорашньому гулять.
Дидонажъ тяжко сподобала
Эней, такъ, що и не знала
Де дитися, и що робыть;
Точьла всякіе балясы,
И піднускала разни лясы,
Энею тилькобъ угодыть.

Дидона выгадала грыще,
Эней щобъ веселишый бувъ,
И щобъ вертисся зъ нею бльжче,
И лыха щобъ своего забувъ:
Соби очыци завязала,
И у панаса граты стала,
Энея бь только уловить;
Эней же заразъ догадася,
Коло Дидоны терся, мьявся,
Би щобъ только вдоволнить.

Тутъ всяку всячину игралы,
Хто якъ и въ вищо захотивъ;
Тутъ ынци журавля скакалы,
А хто одъ дудочки потивъ.
И въ хрещыка, и въ горюдуба,
Неразъ доходылю до чуба,
Якъ загуляныя въ джгута;
Въ хлюста, въ пары, въ визка игралы
И дамкы по столу совалы;
Чортъ мавъ порожнього кута.

Що день було у нихъ похмилля;
Пылась горилка, якъ вода;
Що день бенькеты мовъ весилля,
Вси п'яни, хотъ посуньсь куда.
Энееви такъ якъ боляци,
Або лыхій осинній трясци,
Годьла пани всякый день.
Булы Троянци п'яни, сьти,
Кругомъ обути и обшты,
Хотъ голи прыбрелы, якъ пенъ.

Троянци добре тамъ курылы,
Далы прыманку всимъ жинкамъ;
По вечерньцямъ вси ходылы,
Просвитку не було дивкамъ.
Та-й-самъ Эней, сподарь, и пано
Пидмовывъ парытыся въ бапо...
Ужежь було не безъ гриха!
Бо страхъ вона його лобыла,
Ажь розумъ весь свій погубыла,
А бачця не була плоха.

Оттакъ Эней живъ у Дидоны,
Забувъ и въ Римъ щобъ мандровать.
Тутъ не боявся и Юноны,
Пустылся все бенькетовать;
Дидону мавъ винъ мовъ за жинку,
Убывшы добру въ неи гринку,
Мутывъ якъ на сели москаль!
Бо хринъ його не взявъ, моторный,
Ласкавый, гарный и проворный
И гострый якъ на брытви сталь.

Эней зъ Дидоною возылысь,
Якъ зъ оселедцемъ сирый кить;
Ганялы, бигалы, казылысь,
Ажъ лывся де-колы и пить.
Дидона жъ мала разъ роботу,
Якъ зъ нымъ побигла на охоту,
Та гримъ загнавъ ихъ въ темный лбохъ....
Лыхый ихъ зна, що тамъ робылы,
Було не видно съ за могылы,
Въ лбоху жъ сидылы тилько въ двохъ.

Оттакъ Эней живъ у Дидоны,
Забувъ и въ Римъ щобъ маңдровать.
Тутъ не боявся и Юноны,
Пустылся все бенькетовать;
Дидону мавъ винъ мовъ за жинку,
Убывшы добру въ неи гринку,
Мутывъ якъ на сели москаль!
Бо хривъ йото не изавъ, моторный,
Ласкавый, гарный и проворный
И гострый якъ на бритви сталь.

Эней зъ Дидоноу возылысь,
Якъ зъ оселедцемъ сирый кить;
Ганялы, бигады, казылысь,
Ажъ лывся де-колы и шить.
Дидона жъ мала разъ роботу,
Якъ зъ ныхъ побигла на охоту,
Та гривъ загнавъ ихъ въ темный ляхъ....
Лыхый ихъ зна, що тамъ робылы,
Булю не видно съ за могымы,
Въ ляху жъ сидылы тилько въ двоыхъ.

Не такъ-то робытся все худко,
Якъ швыдко окомъ измыгнешь;
Або якъ казку кажешъ прудко,
Перомъ въ панери якъ пыснешъ.
Эней въ гостяхъ прожывъ не мало, —
Що зъ головы його пропало,
Куды його Зевесъ пославъ,
Винъ годивъ зо два тамъ просыдивъ,
А мабуть бы и бильшь проныдивъ,
Якъ бы його врагъ не спиткавъ.

Колысь Юпитерь не нарокомъ
Зъ Олымпя гланувъ и на насъ;
И кынувъ въ Карфагену окомъ,
Ажъ тамъ троянскій мартоплясь....
Розсердився и розкрычався,
Ажъ цилый свить поколыхався;
Энея лаявъ на весь ротъ:
«Чи такъ-то, гадивъ сынъ, винъ слуха?
«Убрався въ потоку мовъ муха,
«Заснѣвъ буцимъ въ болоти чортъ.

«Пійдигь гинця мыни клыкните,
«До мене заразь щобъ прыйшовъ,
«Глядитъ же, цупко прикрутите,
«Щобъ винъ въ шынокъ та не зайшовъ!
«Бо хочу я кудись послаты,
«Ійонъ, ійонъ же вража маты!
«Але Эней нашъ зледащивъ;
«А то Венера все свашкуе,
«Энеечка свого муштруе,
«Щобъ винъ зъ ума Дидону звивъ.»

Прыбигъ Меркурій засапавшысь,
Въ тры ряды пить зъ його котывъ;
Ввесь реминьцями обвѣязавшысь,
На голову брыль наложывъ;
На грудяхъ съ блихою ладунка,
А съ заду съ сухарямы сумка,
Въ рукахъ нагайскій малахай.
Въ такимъ наряди влизшы въ хату,
Сказавъ: «готовъ уже я тату,
«Куда ты хочешъ, посымай.»

«Бижы лышгъ швыдче въ Карфагену,»
Зевесъ гинцеви такъ сказавъ,
«И пару розлучы скажену,
«Эней Дидонубъ забувавъ.
«Нехай лышгъ видтилъ уплитае,
«И Рыма строиты чухрае—
«А то залигъ мовъ въ груби песь. —
«Колыжъ винъ буде йще гуляты,
«То дамъ йому себе я знаты,
«Оттакъ сказавъ, скажы, Зевесъ.»

Меркурій нызько поклонився,
Передъ Зевесомъ брыль изнявъ,
Черезъ поригъ перевалывся,
До стани швыдче тягу давъ.
Покынувши изъ рукъ нагайку,
Запрягъ винъ мытью чортопхайку;
Черкнувъ изъ неба, ажъ курить!
И все кобылокъ поганяе,
Що оглобельна ажъ брыкае;
Помчалы, ажъ визокъ скрышыть!

Эней тогда купався въ брази,
И на полу укрывшысь лигъ;
Йому не слылось о прыкази,
Якъ-ось Меркурій въ хату вбигъ!
Смыкнувъ изъ полу мовъ пся-юху.
«А що ты робышь?—пъешъ сывуху?»
Зо всего горла закрычавъ,
«А ну льшь швыдче убирайся,
«Съ Дидоною не женихайся,
«Зевесь походъ тоби сказавъ!

«Чи сежъ такы до дила робышь,
«Що й доси тута загулявсь?
«Та швыдко и не такъ задробышь;
«Зевесь не дурно похвалявсь;
«Получышь добру халазіно,
«Винъ выдавить съ тебе олію,
«Отъ-тылько йще тутъ побарысь.
«Глядыжъ, сьгодня щобъ убрався,
«Щобъ ныщечкомъ видсиль укрався,
«Мене у друге не дождысь.

Эней піджавъ хвистъ мовъ собака;
Мовъ Каинъ затрусывсь увесь;
Изъ носа потекла кабака:
Уже винъ знавъ якый Зевесь.
Шатнувся мытью самъ изъ хаты,
Своихъ Троянцевъ позбираты;
Зибравшы, давъ такый приказъ:
«Якъ можна швидче укладайтесь,
«Зо всімы клунками збирайтесь,
«До моря швендайте якъ разъ!»

А самъ вернувшись въ будинки,
Свое лахмття позбравъ;
Мызеріи наклавъ дві скринькы,
На човенъ заразъ одиславъ,
И дожыдався тилько ночи,
Що якъ Дидона зимкне очі,
Щобъ не прощавшись тягу дати.
Хоть винъ за нею и журывся,
И свитомъ цилый день нудывся;
Та, ба! бачъ треба покидати.

Дидона заразь одгадала,
Чого сумує пань Эней,
И все на усь соби мотала,
Щобъ умудрытыся и тй;
Зъ за печи часто выглядала,
Прыкынувшысь буцимъ куняла
И мовъ вона хотила спать.
Эней же думавъ, що вже спала,
И тилько-що хотивъ дати драма,
Ажъ-ось Дидона за чубъ хвать.

«Постій прескурвий вражий сыну!
«Зо мною перше розплатись;
«Отъ задушу, якъ злу льгичну!
«Ось-ну льшь тилько завертысь!
«Отъ-такъ за хлибъ, за сямъ ты платышь?
«Ты всимъ привыкшы насмихатысь,
«Роспустышь славу по минн!
«Нагрила въ пазуси гадюку,
«Що послн изробыла муку;
«Послала пуховыкъ свынн.

«Згадай якый прыйшовъ до мене,
«Що ни сорочки не було;
«И постолить чортъ мавъ у тебе;
«Въ кишени жъ пусто, ажъ гуло;
«Чи знавъ ты, що таке гроши?
«Мавъ безъ мати одни холони,
«И тилько слава, що въ штанахъ;
«Та й те порвалось и побылось;
«Ажъ глянуть соромъ, такъ свитьмось;
«Свитьина вся була въ латкахъ.

«Чи яжъ тобі та не годыла?
«Хиба рижна ты захотивъ?
«Десь вража мати пидкусъла,
«Щобъ хырний тутъ ты не сидивъ.»
Дидона гирько зарыдала,
И зъ серця ажъ волосся рвала,
И закрасилася мовъ ракъ.
Запинылась, посатанила,
Ниначе дурману изыйила,
Залаяла Энея такъ:

«Поганый, мерзкий, скверный, брыдкий,
«Никчемный, ланецъ, кателькъ!
«Гульвиса, пакосный, престыдкий,
«Негидный, злодій, еретькъ!
«За кучму сю твою вельку,
«Якъ дамъ ляща тоби я въ пыку,
«То тутъ тебе лызне и чортъ!
«И очи выдеру изъ лоба,
«Тоби діявольська худоба.
«Трясешься мовъ зимою хортъ!

«Мандруй до сатаны зъ рогами,
«Нехай тоби прыснутся бисъ!
«Съ твоими сучими сынамы,
«Щобъ врагъ побравъ васъ всихъ гульвисъ.
«Щобъ ни горилы, ни болилы,
«На чыстому щобъ поколилы,
«Щобъ не оставсь ни чоловикъ;
«Щобъ доброи не зналы доли,
«Булы щобъ зъ вами злыи боли,
«Щобъ вы шаталыся по виць.»

Эней видъ неи одступався,
Покы зайшовъ черезъ поригъ,
А дали ажъ не оглядася,
Зъ двора въ собачу рысть побигъ.
Прыбигъ къ Троянцямъ засапався,
Обмокъ въ поту, якъ бы купався,
Мовъ съ торгу въ школу курохвать;
Потимъ въ човенъ хутенько сившы
И йихаты своимъ веливши,
Не оглядася самъ назадъ.

Дидона тяжко зажурылась,
Ввесь день ни йила, ни пыла;
Все тосковала, все нудылась,
Крычала, плакала, ревла.
То бигала якъ бы шалена,
Стояла довго тороплена,
Кусала ногти на рукахъ;
А дали сила на порози,
Ажъ занудьмо йй небози
И не встояла на ногахъ.

Сестру кликнула на порадѣ,
Щобъ горѣ злѣе розказать,
Энееву оплакать зраду,
И льготы серцю трохи дать.
«Ганнусю, рыбко, душко, любко,
«Ратуй мене моя голубко,
«Теперь пропала я на вѣкъ!
«Энеемъ кнута я бѣдна,
«Якъ сама палпога послѣдня,
«Эней злый змій, — не чоловікъ!

«Нема у серця мого сымы,
«Щобъ я могла його забуть,
«Куды мни бигты? — до могылы!
«Туды одынъ надежный путь!
«Я все для його потеряла,
«Людей и славу занедбала;
«Боги! я зъ нымъ забула васъ.
«Охъ! дайте зилля мни напытысь,
«Щобъ серцю можно розлюбытысь,
«Утыхомырытысь на часъ.

«Нема на свити мни покою,
«Не льются слёзы изъ очей,
«Для мене бильшій свить есть тьмою,
«Тамъ ясно тилько де Эней.
«О пущьверынку Купидоне!
«Любуйся якъ Дидона стогне....
«Щобъ ты маленькымъ бувъ пропавъ!
«Познайте молодьщи гожи,
«Зъ Энеемъ бахури вси схожи;
«Щобъ врагъ зрадливыхъ всихъ побравъ!»

Такъ бидна съ горя говорыла
Дидона, жызнъ свою кляла;
И Ганна що йй ни робыла,
Ни якой рады не дала.
Сама съ царыщей горювала
И слёзы рукавомъ втырала,
И хлышала соби въ кулакъ.
Потимъ Дидона мовъ унышкла,
Звелила, щобъ и Гандзя выйшла,
Щобъ йй на сумоватысь въ смакъ.

Довгенько такъ посумовавши,
Пшла въ будынкы на постиль;
Подумавши тамъ, погадавши,
Проворно скочыла на пиль.
И взявши съ записчка кресаю,
И ключча въ пазуху чимаю,
Тыхенько вийшла на горѡдь.
Ночью се було добою
И самой тихое порою,
Якъ спавъ хрещений весь народъ.

Стоявъ у неи на горѡди,
Въ костри на зиму очереть;
Хоть се не по царьскій породи,
Та дежъ взять дровъ, колы все степь;
Въ костри бувъ сложенный сухенькій,
Якъ порохъ бувъ уже палкенькій,
Його й держалы на пидпаль.
Пидъ нымъ вона огонь кресаля,
И въ ключчи гарно розмахала
И розвела пожаръ чималъ.

Кругомъ костеръ той запальвши,
Зо всей одежи роздиглась,
Въ огонь лахмита все сложивши,
Сама въ огни тимъ простяглась.
Вкругъ неи поломья палало,
Покійныци не выдно стало,
Пишовъ одъ неи дымъ и чадъ! —
Энея такъ вона любила,
Що ажъ сама себе спалила,
Послала душу къ чорту въ адъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.